

Seen and Heard International

SINCE 1999 A LIVE REVIEW SITE FOR OPERA, BALLET, CONCERTS, BROADCASTS, AND THEATRE

Russian Baritone Hvorostovsky Attracts Newcomers to the Wigmore Hall

25/11/2014

Glinka

To Molly

Ah, the sweetness of being beside you

Do not say that your heart is aching

Doubt

Bolero

Rimsky-Korsakov

The hills of Georgia

Oh, if only you could

The wooing of the waters

Not the wind which, blowing from the heights

What does my name mean to you?
The lark sings louder

Mahler

Kindertotenlieder

Strauss

Zueignung

Morgen!

Cäcilie

This was a very interesting evening and made the car journey through some horrendous British winter weather getting to the Wigmore Hall ultimately worthwhile. It was clear from the accents and conversations overheard around me that Dmitri Hvorostovsky's recital had attracted many new people to the venue and, indeed, some had travelled much further to get there than I had. Also unlike the usual tame Wigmore Hall audience that knows not to applaud during a set of songs, this audience had to be reminded at the end of the interval not to applaud during Mahler's *Kindertotenlieder*. Up to that point everything Hvorostovsky had sung had been acclaimed as though it was a rock concert.

Thinking back to 1989 it has been impossible to forget that titanic battle between two baritones, Hvorostovsky and Bryn Terfel, in the final of the 1989 Cardiff Singer of the World Competition. Eventually Hvorostovsky took the top prize and Terfel took the consolation Lieder prize. Their paths have, since Cardiff, largely diverged. Hvorostovsky is wanted everywhere for Verdi, whilst Terfel has sung Wotan at the Covent Garden and the Met. Surprisingly having begun as a lyric baritone, the typical Russian darkness in Hvorostovsky's voice has now deepened to such an extent that it is clear he could sing roles such as Amfortas and Wotan if he wanted, though he actually appears to have sung little Wagner.

Dimitri Hvorostovsky has been celebrated as a noted recitalist and this was my first opportunity to hear him in such an intimate situation. To be truthful all the Russian we were given in the first half was too much although it was probably welcomed by many in the audience. Hvorostovsky's unvaried tone and lack of shading in his voice probably reflected the nature of the gloomy and heartwrenching songs by Glinka and Rimsky-Korsakov that encompass only fleetingly joy and love whilst mostly expressing sorrow, hate and loss. For instance, as Geoffrey Norris's programme note suggested 'given the Glinkas' marital plight of the time' there was 'a certain irony in the last line of "Bolero" ' which is 'But no – you'll never be unfaithful to me' – I doubt if any singer could have brought a greater sense of implied threat to a single line than Hvorostovsky. This reflected

the potency of his presence on the recital platform that tended to overwhelm the Wigmore Hall that seemed rather too small a space for him. The Rimsky-Korsakov settings of some poetry by his celebrated compatriots Alexander Pushkin and Alexey Tolstoy allowed for more emotional nuance, though they still never entirely took flight.

At the piano was Hvorostovsky's faithful accompanist, Ivari Ilja, who had none of the flamboyance of the 'silver fox' soloist but provided fleet-fingered support throughout and perfectly illuminated the more dramatic and colourful piano parts, such as, atmospherically bringing us the 'crashing and splashing' of the waves during Rimsky-Korsakov's 'The wooing of the waters'.

As a prelude to Dimitri Hvorostovsky's account of the *Kindertotenlieder* I enjoyed reading Rimsky-Korsakov's comments about Mahler's Second Symphony when he is supposed to have said: 'You can't imagine what kind of work it is. It's a sort of pretentious improvisation on paper, in which the composer himself doesn't know what will be in the next bar.'

Friedrich Rückert's poetry – which is the basis of Mahler's *Kindertotenlieder* (Songs on the death of children) – was very personal to Mahler as his parents had fourteen children, eight of whom died in infancy. He was 14 when his brother Ernst died at the age of 12 and he was deeply affected by it. The fact that Ernst was also the name of Rückert's son who had also died young was no mere coincidence and must have played an significant part in Mahler's choosing to set some of these poems to music. This late-Romantic song cycle should be one of immense consolation and is not death-obsessed music written by a death-obsessed neurotic. The soloist must eschew self-pity and offer some comfort and solace to those who need it.

Mahler preferred the baritone voice for his *Kindertotenlieder* and the outbreaks of anger and despair in two of the five songs are indeed more suited to a grieving father. These intense sections Hvorostovsky did particularly well, barking out the bitterness and anguish of lines like 'O du, des Vaters Zelle' (O you, your father's flesh and blood) and 'Ich sorgte, sie stürben morgen, das ist nun nicht zu besorgen' (I feared they might die next day, there is no cause for such fears now) with as much emotion as anyone could want. This reflected the harrowing approach Hvorostovsky had to these songs, yet I would have much preferred a greater emotional range that he gave us. However, I could forgive almost everything because of his heart-achingly poignant final stanza of 'In diesem Wetter' when he lightened his tone and became the lyrical baritone of former days. He should have tried singing more like that earlier in the recital.

After all the doom and gloom there was a last-minute shift in mood to Richard Strauss's more radiant and uplifting 'Zueignung', 'Morgen! ...' and 'Cäcilie' and even if Hvorostovsky's testosterone-fuelled approach to all he sings wasn't completely 'at one' with these somewhat breathlessly impassioned songs, his dramatic fervour brought the concert to a suitably resounding conclusion. His encore was a refined French song and more of that would have been the perfect antidote to some of the uncompromising Russian ones we heard before the interval. As good as it was – in hindsight – a more mixed musical programme of opera and Lied would have made for a more memorable recital.

Jim Pritchard

Русский баритон Хворостовский привлекает новичков в Вигмор-Холл

25/11/2014 *Jim Pritchard*

[Glinka](#), [Rimsky-Korsakov](#), [Mahler](#) and [Strauss](#): Dmitri Hvorostovsky (baritone) and Ivari Ilja (piano),

Wigmore Hall, London 23.11.2014

Глинка
К Молли
Как сладко с тобою мне быть
Не говори, что сердцу больно
Сомнение
Болеро

Римский-Корсаков
На холмах Грузии
О, если б только мог
Дробится, и плещет и брызжет волна
Не ветер, вея с высоты
Что в имени тебе моём
Звонче жаворонка пенье

Малер
Песни об умерших детях

Штраус
Посвящение
Завтра!
Сесиль

Это был очень интересный вечер, и автомобильное путешествие по ужасной британской зимней погоде, чтобы добраться до Вигмор-Холла, в конечном счете, стоило того. По акцентам и разговорам вокруг меня, было ясно, что выступление Дмитрия Хворостовского привлекло к этому месту много новых людей, и действительно, некоторые из них отправились сюда из более дальних мест, чем я. Кроме того, в отличие от обычной прирученной аудитории Вигмор-Холла, которая знает, что нельзя аплодировать во время цикла песен, этой публике требовалось напоминание в антракте не аплодировать во время исполнения "Песен об умерших детях" Малера. До этого момента все, что пел Хворостовский, приветствовалось так, словно это был рок-концерт. Вспоминая 1989 год, невозможно забыть ту титаническую битву двух баритонов, Хворостовского и Брина Терфеля, в финале конкурса "Кардиффский Певец мира". В конце концов Хворостовский получил главный приз, а Терфель — утешительный приз Лучшая песня. После Кардиффа их пути в значительной степени разошлись. Хворостовского везде приглашают для Верди, а Терфель пел Вотана в Ковент-Гардене и Метрополитене. Удивительно, но типично русская темнота голоса Хворостовского, начинавшего как лирический баритон, теперь углубилась до такой степени, что ясно, что он мог бы петь такие роли, как Амфортас и Вотан, если бы захотел, хотя на самом деле он, кажется, немного пел Вагнера.

Дмитрий Хворостовский прославился как выдающийся солист, и это была моя первая возможность услышать его в такой доверительной обстановке. Честно говоря, всего того русского, что мы получили в первом отделении, было слишком много, хотя, наверное, многие в зале это приветствовали. Ровный тон Хворостовского и отсутствие оттенков в его голосе, вероятно, отражали характер мрачных и волнующих романсов Глинки и Римского-Корсакова, которые заключают в себе лишь мимолетную радость и любовь, но в основном выражают печаль, ненависть и утрату. Например, в программной заметке Джеффри Норриса говорилось: «учитывая тогдашнее семейное положение Глинки», в последней строчке "Болеро" была "некоторая ирония", а именно: "но нет — ты не изменишь мне", — и я сомневаюсь, что какой-нибудь певец мог бы вложить в одну строчку больше скрытой угрозы, чем Хворостовский. Это отражало мощь его присутствия на концертной площадке, которая чаще всего подавляла Вигмор-холл, казавшийся ему слишком маленьким пространством. Музыка Римского-Корсакова на некоторые стихотворения его знаменитых соотечественников Александра Пушкина и Алексея Толстого допускала более эмоциональные нюансы, которых исполнение никогда полностью не достигало.

За роялем был верный аккомпаниатор Хворостовского Ивари Илья, который, не обладая яркостью солиста "серебряного лиса", оказывал всемерную поддержку и прекрасно освещал более драматические и красочные фортепианные партии, например, атмосферно передавая нам "грохот и плеск" волн во время "Дробится, и плещет и брызжет волна" Римского-Корсакова.

В качестве вступления к исполнению Дмитрием Хворостовским "Песен об умерших детях" я с удовольствием прочитал комментарии Римского-Корсакова о Второй симфонии Малера, когда он якобы сказал: "Вы не можете себе представить, что это за произведение."

Это своего рода вычурная импровизация на бумаге, в которой сам композитор не знает, что будет в следующем такте." Поэзия Фридриха Рюккерта - основа малеровской "Kindertotenlieder" ("Песни об умерших детях") - была очень близка Малеру, поскольку у его родителей было четырнадцать детей, восемь из которых умерли во младенчестве. Малеру было 14 лет, когда в возрасте 12 лет умер его брат Эрнст, что глубоко повлияло на него. Тот факт, что сына самого Рюккерта, умершего молодым, тоже звали Эрнстом, не был простым совпадением и, должно быть, сыграл значительную роль в выборе Малером некоторых из этих стихотворений. Этот позднеромантический песенный цикл должен был быть безмерным утешением и не является охваченной смертью музыкой, написанной за циклом на смерти невротиком. Солист должен избегать жалости к себе и нести сострадание и утешение тем, кто в этом нуждается. Для своих "Песен об умерших детях" Малер предпочёл баритон, и вспышки гнева и отчаяния в двух из пяти песнях действительно больше подходят для скорбящего отца.

Эти напряженные отрывки Хворостовский спел особенно хорошо, выкрикивая горечь и тоску таких строк, как "O du, des Vaters Zelle" ("О ты, плоть и кровь твоего отца) и "Ich sorgte, sie stürben morgen, das ist nun nicht zu besorgen" ("Я боялся, что они умрут на следующий день, теперь нет причин для таких страхов") с волнением, какое только можно было пожелать. В этом отражался проникновенный подход Хворостовского к этим песням, но я бы предпочел более широкий эмоциональный диапазон, чем тот, который он продемонстрировал нам. Однако я мог простить почти все из-за его душераздирающе-пронзительной заключительной строфы "In diesem Wetter", когда он смягчил свой тон и стал лирическим баритоном прежних дней. Ему нужно было стараться так петь и раньше на этом концерте.

После всей этой обреченности и мрака "Посвящение", "Завтра!..." и "Сесиль" Рихарда Штрауса последней части программы изменили настроение на более лучезарное и возвышенное, и даже если тривиальный подход Хворостовского ко всему, что он поёт, не был полностью "в согласии" с этими исполненными почти на одном дыхании страстными песнями, его драматический пыл довел концерт до должным образом потрясающего завершения. На бис была изысканная французская песня, и что-то подобное было бы прекрасным контрастом некоторым строгим русским романсам, услышанным нами перед антрактом. Как бы хорошо это ни было – в ретроспективе -

более смешанная музыкальная программа из оперных арий и романсов сделала бы сольный концерт более запоминающимся.

Перевод с английского Н.Тимофеевой

https://seenandheard-international.com/2014/11/russian-baritone-hvorostovsky-attracts-newcomers-to-the-wigmore-hall/?doing_wp_cron=1416947352.8622360229492187500000